

Как и плацдарм в Девароне, который ранее выбрала Лея, станция Хоск была старой и усталой, и ее многолюдные жители искренне верили, что видели все это раньше, поэтому больше не беспокоились о том, чтобы смотреть - что, вероятно, так понравилось Альянсу, подумал Люк. Естественная луна, полностью покрытая огромной вниз по Кореллианской дороге. Люк терпеливо выслушал их всех и затем, как и сказал бы Натан, продолжил свои планы точно так же, как и прежде. Иногда медик был слишком проникновенен, что нравилось Люку.

Они продолжали настаивать, Люк осознавал свое напряженное ожидание и растущее молчание по мере приближения к месту встречи, его мышление изменилось в процессе психологической подготовки. Как он сказал ей раньше, он полагался, что Мара будет следить за его спиной в такие моменты, его внутренняя сосредоточенность. Но он действительно полагался на нее... по крайней мере, в этом. И она знала это - и из-за этого была еще более настороженной.

Особенно на этот раз, потому что на этот раз лидер повстанцев ждал Люка, а не наоборот. Вопреки совету Мары, Люк снова позволил Лее назвать место встречи, уступив ее неуверенности. Скорее всего, у нее будет больше охраны, зная, с кем она встречается на этот раз, но она все равно придет. Он уже чувствовал это, ее бледное, колеблющееся присутствие в Силе тонко излучалось. И только после того, как собственная охрана Люка рассеялась веером на последнем повороте, только Люк и Мара продолжали, Люк почувствовал еще одно знакомое присутствие - и снова был застигнут врасплох. Хан Соло стоял с неизвестным повстанцем у двери к месту встречи, и Люк подавил мгновенную панику, хотя продолжал плавно идти вперед. Хан повернулся с мрачным лицом, переносил вес своего ремня. На краю поля зрения Люка рука Мары плавно опустилась на ее собственное огнестрельное оружие в зеркале Соло, хотя она не рисовала его.

Вместо этого она остановилась в нескольких шагах от двери, где стояла Соло - там, где, как она чувствовала, у нее было более широкое поле огня, Люк знал. Он шагнул вперед, пересохший во рту, все еще обеспокоенный событиями их последней встречи. «Хан». Хан кивнул, выражение его лица было чем-то средним между общительным и озабоченным, его губы были под привычным наклонным углом. "Как ты делаешь?" "Хорошо ты?"

«Я не думаю, что это будет иметь значение, если я скажу тебе не причинять ей вреда. Что я бы пошел за тобой, если бы ты сделал». - спокойно заявил Хан. Тогда никаких пустых шуток, хотя это было сказано без злобы. Спокойное, сдержанное выражение лица Люка несколько не изменилось: «Нет, не совсем так». Вряд ли это было утешением, но Хан все равно медленно кивнул. «Знаешь, когда она впервые сказала мне, что собирается снова поговорить с тобой...

Я очень нервничал. И я не мог понять, почему, не мог понять, что меня заставляло, потому что...» Хан пожал плечами, как никогда прямо: «Ну, я тебе доверяю». Люк с тревогой посмотрел вниз, но если Хан осознал свою вину, он не стал комментировать это, продолжив: «Я сказал Лее, и она сказала, что дело не в доверии. Сказал, что это совсем другое. Она сказала, что моя проблема была в это ... что я так и не понял, что ты собираешься делать. Каждый раз, когда я встречал тебя, я никогда не знал, что ты будешь делать на этот раз - как ты отреагируешь. А потом она сказала ... Причина, по которой я не знала, была потому что она не думала, что ты знаешь себя ". «Она очень проникательная женщина». Люк наконец разрешил без дальнейших пояснений, и Хан кивнул.

«Да, она. Так что, если она думает, что она в безопасности, я буду доверять ей в этом. Если она думает, что она в безопасности, значит, она в безопасности». Глаза Хана искали Люка: «Но я говорю тебе, я бы спал намного лучше ночью, если бы ты сказал мне то же самое». Люк долго размышлял над этим, нахмурился брови. «Я бы спал намного лучше, если бы сам знал». Не

дожидаясь и не оглядываясь на Хана, он быстро пошел вперед, дверь открылась, когда он вошел в зал заседаний. .

Он сделал единственный шаг вперед - и совсем немного сбавил темп, что-то в маленькой пустой комнате сильно напоминало камеру под Дворцом, в которую Палпатин так часто приговаривал Люка в ранние годы; суровое, жестокое наказание за любую ошибку. Белые стены, низкий потолок, только простой, строгий стол и стулья - и холод, затхлый воздух ледяной.

Он дважды быстро моргнул, рассеивая воспоминания и восстанавливая темп силой воли, прежде чем взглянуть на Лею, которая спокойно сидела на одном из двух стульев с твердой спинкой перед столом. Второй стул напротив ее собственного оставался пустым, и Люк шагнул вперед и сел без комментариев, положив руки на стол перед ним; тонкое, подсознательное сообщение о том, что ничего не скрывается. Лея сохраняла спокойствие, когда она смотрела через стол на Императора, его бесстрастное выражение не давало ни малейшего намека на мысли, стоящие ниже.

Но на этот раз она была готова; на этот раз, когда Лея сидела в ожидании у дальнего конца маленького столика, она была готова. Не было никаких сюрпризов; она знала, с кем собирается встретиться, она знала, что было на повестке дня у них обоих. Она была готова, и она была готова, и она была готова бороться за свой угол. Поэтому, когда он сел напротив нее, она молчала, ожидая. Готовы ждать столько, сколько потребуется.

Он сидел с непринужденным вниманием, его спокойная уверенность усиливалась тонкой гранью, все в нем было противоречием, окутанным чувством утонченной, беспокойной силы. Зрелость нарисовала тонкие морщинки вокруг глаз, которые изучали ее с таким же пристальным вниманием, что и Лея, но кроме шрамов, омрачивавших это юное лицо, мало что другое из его переживаний в промежуточные годы. Был ли он всем тем, что они сказали? Сможет ли он убить ее одним морганием этих несоответствующих ледяных голубых глаз, или смутное интуитивное чувство иммунитета, окутывающее ее, как щит, было правдой?

Он защищал ее в прошлом, конечно, это не было невыполненным? Возможно, чувство искупления, которое придало ей уверенности в том, что она пришла сюда сегодня, было просто ее собственными желаниями, подумала Лея, или, что еще хуже, его тщательным планированием. Потому что сейчас, сидя под этим хищным взглядом, Лея остро осознавала свою уязвимость. И малейшая приподнятость уголков его покрытых шрамом губ давала ей понять, что он тоже это видел; все это. Но физическая уязвимость не влияла на ее мысли, утверждала Лея; было бы глупо не нервничать, учитывая их положение. Но она не испугалась бы, ни он. Он наблюдал за ней еще долгие секунды, прежде чем внезапно, как будто чувствуя, что эта первая игра завершена, он слегка откинулся назад, быстрота движения вызвала краткую реакцию измученных нервов и напряженных мышц Леи.

Эти холодные глаза снова остановились на ней, с оттенком веселья: «Давайте поговорим или проведем вечер, глядя друг на друга?» Лея прищурилась, понимая, что он пытается занять высокие моральные позиции, обвиняя ее, хотя и косвенно, в детских играх. Моральный рост ... «Почему вы отпустили пилотов в Фондор?» "Вы бы предпочли, чтобы я этого не делал?" Лея приподняла подбородок: «Если бы вы не хотели им причинить вред, вы могли бы просто не стрелять из ДЕМР... но вы сделали. Затем, когда вы вывели их из строя, вы повернулись и отпустили их. Почему?» Он долго молчал, без страха в действии, только пауза, в которой он взвешивал свой ответ. «Чтобы привести вас к этому столу».

«Вы отпустили почти двести повстанцев и передовой фрегат, чтобы привлечь мое внимание?»

Он слегка наклонил голову - и казался таким молодым; непорочными и неповинными и безвредными ... и полностью, безусловно, опасно. "Это сработало." Лея смотрела долгие секунды, прежде чем снова обрела голос. "Кто ты?" Люк заколебался, подброшенный ее вопросом, вспышка раздражения нахмурила его лоб и потянула за тяжелый шрам, пересекавший его лицо.

"Это важно?" «Да! Ты хочешь, чтобы я доверял тебе, но я даже не знаю твоего имени. Все, что я знаю, это то, что ты солгал мне. Ты солгал мне о том, кем ты был, о том, почему ты был среди нас...» "Вы все еще думаете, что я был шпионом?" "Были ли вы?" «Ты мне скажи. Утечка информации прекратилась, когда меня не было?» Лея на мгновение поджала губы, но прежде чем она смогла заговорить, Люк снова отклонил этот вопрос, его тон указывал на то, что эта тема явно не обсуждалась: «В любом случае это несущественно; я привел вас сюда, чтобы поговорить о будущем, а не о прошлом. освободил ваши войска, чтобы продемонстрировать мою искренность ". «Нет будущего, пока я не узнаю прошлое - разве ты не видишь?» Люк вздохнул, слегка опустив плечи, и закрыл глаза, уже ища терпения.

"Вы говорите мне снова и снова, что не доверяете мне ... но вы ожидаете, что я буду доверять без каких-либо условий. Вы ожидаете, что я буду доверять своему предателю; лидеру организации, которая всего несколько лет назад пыталась убить меня - неужели вы считали это?" «Я не...» Лея покачала головой, отказываясь быть втянутой в себя. «Вы мутите воду». «Возможно, для вас; для меня эти вещи совершенно ясны». «Хорошо, тебе нужна правда? Правда в том, что они хотели помешать тебе стать Императором». Они; не мы. Люк замолчал, а через мгновение Лея продолжила. «Они хотели именно это остановить; вы берете власть».

«Они хотели именно это остановить? И что это было бы - Император здесь, сейчас, пытается хотя бы начать диалог?» Лея колебалась, огорченная. «У них не было возможности узнать, что вы сделаете это». «У них не было возможности узнать, что я не буду - это моя точка зрения». Он внезапно покачал головой, понимая, что позволяет себе увязнуть в прошлом. Лея внимательно наблюдала за ним; наблюдал, как он силой воли обуздал все эти старые обиды, а когда он снова поднял глаза, то был ясной головой и пронизательными глазами. «У меня к вам вопрос», - он сделал паузу, но больше потому, что искал правильную формулировку, чем какую-либо более серьезную причину. «Маршруты, мои, недавние... вы их получаете?» Лея нахмурилась, ища подвох:

«... Нет». «Схемы SD Sterling... они у вас есть?» «Хотел бы я». Она сказала честно. Честно говоря ... Люк долгие секунды смотрел на Лею, тренированные чувства; она говорила правду. Где бы ни была утечка, она не была связана с Восстанием. "У меня вопрос к вам." Лея возразила: «Атака на Фондор - вы знали, что это вот-вот произойдет?»

Да . "Нет." Люк ничего не выдал, пока она изучала его лицо, не давая дальнейших объяснений; подтверждения часто были признаком лжи, и Палпатин уже давно сделал Люка мастером обмана. Тем не менее, она нерешительно смотрела еще несколько секунд, пока Люк, чувствуя неловкость под этим пронизательным взглядом, не продолжил разговор.

«Я сделал знак доброй воли Фондору. Я так легко мог уничтожить оперативную группу». «Я знаю об этом». «Или я мог бы просто оставить их замерзнуть или задохнуться. Но я позволил вам безоговорочный доступ». «Я только что сказал, я знаю это». Он наклонился вперед и в этот момент казался беззаботным, даже поддразнивая: «Разве это убьет вас, если вы скажете спасибо?» Лея моргнула, пошатываясь от изменения. "Это почему ты сделал это?" Он наклонил голову, пожав плечами: «Вы были в моих мыслях, как я уже сказал.

Эта встреча, этот момент». "А что ты изобразил?" «Я представил, как вы понимаете, что это был жест веры. Первый шаг, сделанный потому, что одному из нас пришлось выйти из тупика.

Я был неправ?» «Я бы почувствовал себя намного лучше, если бы ты просто сказал, что не можешь их убить». "Да, это звучало бы лучше, не так ли?" - с сожалением признал он. «По крайней мере, ты знаешь, что я говорю тебе правду». «Вы доказываете, что говорите правду, или просто признаете, что совершаете ошибки?» «Я признаю, что отказался.

Я уступил Фондору только потому, что хочу перемен. Я спровоцировал прекращение огня... вы продолжите его?» Лея колебалась, такая же неуверенная, как в самый первый момент, когда она увидела его на Девароне. Он наклонился вперед, его голос был почти шепотом, а глаза были такими яркими, что казалось, они светятся. «Работай со мной». «Зачем мне давать тебе эту перерыв - зачем тебе это нужно?» «Потому что мне нужны войска и ресурсы, которые в настоящее время направлены на сдерживание Восстания.

Мне они нужны, чтобы внести изменения в конституцию в большем количестве систем. У меня их достаточно, чтобы внести изменения в Ядро и Колонии, но даже чтобы начать применять их в Среднем и Краевом регионах. Мне нужны все ресурсы, которые у меня есть, иначе ничего не изменится ". «Так вы говорите, что если изменения в конституцию не работают, то это из-за нас?» "Я говорю, что они могут быть реализованы намного быстрее.

Есть и другие, более радикальные изменения, которые я намерен внести - изменения прав разумных, свободы слова и местного губернаторства, но без военной силы, чтобы поддержать их все, что они всегда будут слова ". «Но у меня нет никаких гарантий». «Я могу дать вам все гарантии, которые вы хотите, но мы оба знаем, что они бессмысленны». «Значит, вы хотите, чтобы я рискнул всем на всякий случай, когда вы можете пройти?» «Я хочу, чтобы вы сделали шаг назад - и я сделаю то же самое. Если вы прекратите все наступательные действия против имперских целей, я остановлю любые действия против Восстания, если только они не нарушат мир или не будут активно разжигать восстание.

Я не прошу вас расформировать, я прошу о приостановке боевых действий. Может быть, переговоры о прекращении действий на определенный период, в течение которого обе стороны будут придерживаться определенных заранее согласованных целей. Я прошу дать шанс представить мою версию руководству Альянса ". «А если мы откажемся, мы несем прямую ответственность за продолжение имперской тирании, это то, что вы пытаетесь сказать?» Люк ухмыльнулся, фактически усмехнулся при этом: «Теперь ты вкладываешь слова мне в рот». - сказал он наполовину укоризненно, наполовину снисходительно.

"Я говорю, что у нас есть шанс изменить этот закон вместе. Быстро; эффективно, без необходимости заставлять мои вооруженные силы контролировать вас и без ваших действий, которые дадут стимул Королевским Домам заявить о необходимости их постоянного вмешательства и Несмотря на то, что эти ограничения все еще необходимы, я не могу продвигать Империю так быстро и эффективно, как мог бы в противном случае. И если я не смогу превзойти способность моих недоброжелателей реагировать и организовываться, тогда я и моя политика останемся в опасности - как и межпланетная стабильность ».

"Вы просите меня облегчить правление диктатора?" Он наклонился вперед и уперся локтями в стол: «Если бы я был тираном, которого ты, кажется, так склонен называть меня, зачем мне твоя помощь?» «Вы только что сказали, почему; чтобы стабилизировать свое собственное правило». "О, поверьте мне, если бы это было все, что я хотел, я мог бы сделать это в течение месяца. Я мог бы арестовать своих недоброжелателей, подавить любое сопротивление, восстановить общесистемную неограниченную военную мощь, ослабить и дестабилизировать королевские дома и править, как это делал мой предшественник. Я точно знаю, как работает эта модель - у меня был многолетний опыт ее применения ". «А теперь у тебя изменилось мнение». - сухо сказала Лея.

«Нет, теперь у меня есть возможность - и у вас тоже. Это шанс добиться этого без лишних страданий». "Страдание?" Лея обвиняюще повторила: «Вы не имеете ни малейшего представления об аде, кроме того, как причинять его другим». «О, поверьте мне, я знаю, что такое ад». В ту первую секунду, когда он заговорил, Лея подумала, что это угроза, но когда она посмотрела на него, то поняла, что это совсем не так. На одно мгновение она увидела занозу, услышала боль - и это казалось таким очень реальным, как крик о помощи.

Но это длилось всего секунду и было задушено - И что-то в нем изменилось так внезапно, что Лея увидела, как это произошло, увидела, как выражение его лица ожесточилось, когда поднялись эти щиты. Видела, как он ищет способ оттолкнуть ее, оттолкнуть. Видел, как Император сидит прямо и высоко, слышал, как изменились тон и тембр его голоса. "Вы полны обвинений, но ваше Восстание имеет узкое представление о свободе - вы абсолютно уверены, что для вашей свободы существовать ничто другое не может сосуществовать; именно в этом вы меня обвиняете. Вы слепо преследуете бессмысленное уничтожение ваш предполагаемый враг и вызывает глобальную и общесистемную дестабилизацию. Вы страдаете от худшего, самого обманчивого из всех пороков; вы считаете себя справедливым ". Лея отпрянула, уязвленная колючим обвинением, его неожиданной жестокостью. «И ты умышленно слепой.

Империя щеголяет даже самыми основными г «Нет», - ее голос был едва слышен шепотом. "Он сказал нет; чтобы позволить тебе умереть. Он, конечно, одел это в какое-то пустое подобие чести и долга; сослался на свою большую причину ... но в основном это то, что он приказал мне делать. Если я чтил то, за что ты боролся, тогда Я должен пожертвовать тобой ". И посмотрите, что произошло, когда вы бросили ему вызов. «Возможно, он был прав». "В самом деле?" Люк слегка склонил голову, и Лея знала, что она внимательно следит за ловушкой. «Он был прав, и я должен был оставить тебя умирать». «Мы не умерли».

«Это совершенно несущественно; факт остается фактом: от меня следует ожидать, что я принесу в жертву тех, кто меня окружает, ради достижения определенных целей. Готов к этому». «Когда-то они были вашими целями». «Опять же, несущественно. Я спрашиваю, правильно ли позволять трем существам умереть просто потому, что это служит моим целям? На самом деле, этого даже не было; это было просто удобно ». «Мы были солдатами. Мы знали о рисках и...» «Мы? Я не знал, что тогда Чуи и Хан присоединились к твоему восстанию.

На самом деле, я думаю, если бы я спросил Хана в то время, не возражал бы он отдать свою жизнь на случай, если это послужит мне планы, он дал бы мне совсем другой ответ - и я бы не стал его винить ". «Некоторые жертвы...» «Да, но какие? И когда их становится слишком много... когда цели не оправдывают средства? Как вы узнаете, что зашли слишком далеко? Вы освобождаете меня от всей вины, если бы я оставил вас гниль, но ты судишь меня за то, что я принес те же жертвы, что и другие ". «Йода был джедаем». "И поэтому, конечно, вы хотите, чтобы я был таким же, как он? Готов заплатить любую цену, отдать любую жизнь ради достижения моих целей? Просто отвергнуть тех, кто меня окружает, как не имеющих отношения к моей личной судьбе? Судить себя выше них; иметь право решать Кто жил и кто умер ради моих собственных узких целей? Ты хотел, чтобы я стал таким? "

"Это то, что вы есть". Лея увидела ловушку, когда она открыла ее, зажимая рот, чтобы ответить на секунду слишком поздно, понимая, что в любом случае она сработала бы точно так же. Нет, и он обвинил бы ее в лицемерии, в желании, чтобы он служил порядку, взгляды которого она отвергла как необоснованные; да, и он назовет ее на том факте, что каким-то образом одни и те же действия, совершенные по схожим причинам, могут оцениваться по-разному - как он это делал сейчас. «Тогда почему я так отличаюсь от джедая?» «У вас разные причины. Ваши оправдания... и вы это знаете». «Правда? И почему ты думаешь, что я убиваю... если убиваю». Она прищурилась, глядя на него: «Ты убиваешь, чтобы...»

"Дальше мои собственные цели?" Он понимающе приподнял брови: «Да, мы это уже обсудили». Лея приподняла подбородок. «Амбиции. Развивайте свои амбиции». Опять этот наклон головы: «Я думаю, мы сейчас спорим о семантике». «Нет, мы спорим о мотивах. Вы убиваете, чтобы реализовать свои личные амбиции». "Которые?" "Мощность." "С какой целью, вы представляете?" Она колебалась, и он был там в одно мгновение:

«Власть не самоцель, это просто средство для достижения цели». «Только кто-то с твоей властью сказал бы это». «Возможно, только кто-то в моем положении мог по-настоящему это оценить». "Имея в виду?" «То есть... то, что я делаю, я делаю не зря». "Мощность." Он стиснул зубы: «Я только что сказал вам; сила - это средство для достижения цели, а не самоцель. Я отдаю вам должное, чтобы знать, что вы возглавляете Альянс повстанцев не только ради славы руководства». Лея слегка откинулась назад: «Тогда продолжай?» Он колебался; снова скрестил пальцы, и в голосе был ровный налет тихого спокойствия. «Все, что я делаю, - это причина ... почему вы думаете, что причина изменилась?» Она чуть не рассмеялась: «Серьезно? Потому что вы утверждали, что хотите свергнуть Империю, которой вы сейчас правите».

«Потому что я хотел изменить систему, которую считал несправедливой», - поправил он. «Я считаю, что теперь я могу это сделать». «Вы думаете, что это подтверждает выбранный вами путь?» Лея не могла сдержать недоверие в своем голосе. «Я не выбирал этот путь, но я воспользовался предоставленными им возможностями». "Кто теперь спорит о семантике?" Он позволил малейшей улыбке коснуться его покрытых шрамом губ в знак признания того, что она нанесла удар - и почему она хотела улыбнуться вместе с ним, как если бы все это было игрой. «Я уже говорил вам раньше, я не оправдываю свои действия; мне не нужно ни ваше прощение, ни ваше одобрение».

"Тогда что тебе нужно, Люк?" «Ваше согласие - ваше согласие». «И откуда мне знать, что мы не просто еще одна группа жизней, которую нужно принести в жертву вашему личному делу?» Он поднял подбородок и посмотрел ей прямо в глаза - и что-то изменилось; в его голосе, в его манерах, в его искренности. «Потому что ты меня знаешь. Кем бы я ни был - и ты знаешь, что я охотно приму всю вину, если буду думать, что это правда - я все еще тот человек, который не оставит своих друзей умирать на Беспине. Я не забираю жизнь слегка. " Лея откинулась назад, сузив глаза; могла ли она ему поверить? Должна ли она доверять человеку, убившему Палпату, чтобы получить свой трон, или все это было просто силовой игрой со смертельным укусом? Он слегка пожал плечами - скромный жест, который Люк делал так часто - Люк, которого она знала. Она знала ...

Лея снова задалась вопросом, что было настоящим и что было создано; интересно, сможет ли она пробить эти щиты. Она взглянула вниз, на мгновение ища путь... и в ее голове внезапно пришла мысль. Даже не задумываясь, она произнесла это вслух: «Знаешь, когда я вернулась домой после Деварона, я нашла старый файл. Не знаю почему, но я поискала его в архивах, вытащила и просмотрела четыре раза. или пять раз ».

Люк оставался безмолвным и неподвижным, с непроницаемым выражением лица, теперь он так же настороженно относился к Лее, как она относилась к нему несколько минут назад. «Это дело, которое мы получили от ботанов, примерно через девять месяцев после... после Беспина, - продолжила она. «Первые изображения, которые мы видели с тех пор, как вы вернулись на Корусант. Всего лишь небольшая серия изображений, сделанных с высокой орбиты. Это были вы... вы, идущие рядом с Палпатином по саду на крыше Дворца. Просто... гуляете... Как будто это было ничего! Как будто ты принадлежал этому! "

«Монолит», - механически поправил Люк, не тронутый ее всплеском эмоций, отвергая ее поиск связи; «Мы называем главный дворец Монолитом». "Просто ходить!" Лея продолжила,

отказываясь отвлекаться: «С Палпатином. Первые изображения с момента вашего предполагаемого захвата». Люк оставался неподвижным, изо всех сил стараясь не вспоминать, не поддаваться манипуляциям, избыток воспоминаний, оказывающих парализующее воздействие на сознательные мысли, неосознанно вызванный словами Леи. Но оно просачивалось сквозь щели этих глубоко установленных щитов, воспоминания окутывали его мысли и утаскивали их вниз. Он вспомнил пронизывающий холод ночи; возбуждение от того, что он стоял возле этого проклятого дворца после почти девяти месяцев заключения внутри него, самой контролирующей, устрашающей и удручающей гробницы из всех, что он когда-либо видел.

Вспомнил выпуск вдыхаемого свежего воздуха, настоящего воздуха, не запеченного, очищенного и отфильтрованного до смерти, воспоминание об этом выпуске все еще свежо после всего этого времени: «Ты хорошо поработал». Палпатин уступил, когда он снова устроился в своем большом резном кресле, поставленном на ступенчатом возвышении перед своим адвокатом, поставив их на уровне глаз. «Мы много сделали за последние недели.

Вы должны быть вознаграждены». Люк точно помнил напряжение в груди, настороженное подозрение, охватившее его. Он уже достаточно хорошо знал своего Учителя, чтобы понимать, что «награды» часто являются палкой о двух концах. Его глаза сузились под тенью его растущих волос, теперь достаточно длинных, чтобы закручиваться в распушенные кудри, не замеченные. "Что бы вы хотели, мой друг?" - снисходительно спросил Палпатин, явно забавляясь цинизмом Люка, столь естественным для него сейчас. Люк долгое время хранил молчание, не зная, верить ли Императору или это была просто еще одна игра, одна из многих. Но он должен был спросить; «Я хочу выйти», - сказал он с тихим, отстраненным достоинством, с небольшой надеждой в голосе.

«За пределами дворца». «Вне? А что там такого, чего ты здесь не найдешь, мой друг?» «Воздух», - хотел он сказать; "Свежий воздух." Не то сухое, мертвое, иссохшее, что висело в этих залах, а жизнь - настоящая жизнь. Но он хранил молчание, пристально глядя в глаза Императору, не позволяя ни надежде, ни недоверию окрашивать его выражение лица, узнав, что любой из них означал неудачу в глазах его Учителя. Тишина повисла тяжелой, поскольку ни один из мужчин не двинулся с места, Палпатин с насмешкой изучал своего джедая. "Отлично." Он наконец позволил: «Мы пойдем». Мы; Люк этого не упустил. Даже в этом он больше не останется один. Но он только однажды кивнул, его плечи незаметно опустились теперь, когда решение было принято. Это было лучше, чем ничего; его все еще не было.

Маленькие победы - это все, что здесь кто-либо одерживал - брал их, когда мог, и ценил каждую. Была зима; он отчетливо помнил ледяной холод, охвативший высокие залы Дворцовых башен. То, как краски высыхали, тонкий свет, лишаящий их жизни, всегда холодный - части дворца никогда не согревались, солнечный свет ни разу не касался их. Палпатин заказал плащи для себя и своего защитника, и Люк стоял в неподвижном молчании, ожидая, едва сдерживая свое ожидание, хотя он боялся, что Палпатин все равно узнает и вырвет эту маленькую уступку из своей досягаемости в самую последнюю секунду.

Конечно, везде была охрана. Прошел час с тех пор, как Люк обратился с просьбой, и Палпатин согласился, немедленно вызвав Кордо в свои апартаменты, проинформировав помощника, что он и его джедай будут гулять по частным садам на крыше Монолита, и приказав ему принять меры и принести плащи, которые явно предназначались для обеспечения подходящей безопасности, понял Люк, когда он наконец вышел в ледяную ночь, глубоко дыша. Вероятно, около сотни пар настороженных глаз следили за каждым его движением, но это не имело значения; все, что имело значение, это то, что он был вне этого проклятого дворца, из тех уравновешенных, тихих, тихих залов, где все шептались, кланялись и ходили на цыпочках,

подчиняясь воле Императора, соблазненные и напуганные одновременно, отчаянно пытались уйти, но загипнотизированные силой и положением, которое они считали здесь возможным.

Он видел это ежедневно, когда его повсюду таскали с Палпатином, заставляли стать частью этого мира, как бы он ни ненавидел всех глупцов, играющих в пустые, обреченные игры. Каждый час, который он проводил в присутствии своего Учителя, только укреплял понимание этого Люком. Палпатин не давал никакой силы, кроме той, которая служила ему; он не допускал никакого продвижения, кроме того, что приносило ему пользу. Здесь не было ничего, кроме теней и лжи. По прошествии девяти долгих месяцев именно это больше, чем что-либо другое, было выжжено в душе Люка; Здесь воля Палпатина была абсолютной. Его нельзя было обойти, его нельзя было купить, его нельзя было обменять.

Он будет делать то, что хочет. Что воодушевляло его, что приносило ему пользу... что его забавляло. Его воля была абсолютной, а все остальные были сведены к шифровкам и теням. Бледные жизни жили в пыли и тенях этих мертвых, душных, душных залов. Гнетущая тишина разъедала его, как и всех остальных присутствующих здесь, превращая их в тени. В ту первую ночь, стоя в ледяной тьме, вдыхая свежий, холодный воздух после столь долгого времени, он на короткое время почувствовал себя снова живым. Но в глубине души он знал, что рано или поздно ему придется вернуться к шепчущимся теням - это то место, где он был сейчас. Его Учитель уже начал публично называть Люка своим «Волком», и в частном порядке Люк знал почему; знал видения и кошмары, терзавшие мысли его Учителя, когда он смотрел на Люка. Но если он был волком, то его держали в цепях.

Люк знал, что даже когда он был вне клетки, цепи всегда были на месте; всегда там. Его Учитель очень постарался разместить их, запереть вокруг своего драгоценного волка, чтобы тот не исчез в ночи. И в конце концов ... в конце концов, он перестал пытаться, перестал жаждать ... перестал надеяться. Потому что было слишком сложно продолжать верить, что он каким-то образом может выйти за пределы всепроникающего влияния Палпатина. Итак, он остался во дворце; оставался в своих комнатах и сидел в неподвижной тишине, пока его не вызвали в Двор, или в покои своего Учителя, или в Залы тренировок, чтобы тренироваться под критическим взглядом своего Учителя.

Он сделал, как ему было приказано, без сопротивления и споров, без каких-либо эмоций, независимо от команды. Затем он вернулся в свои комнаты, снова заперев себя, Мара всегда была там, как его тень, но теперь молчала перед его собственным мрачным настроением. Он отказывал кому-либо в разрешении навестить его, даже Холлин отказывался без причины, снова и снова. Он просто сидел, глядя в пол или на огонь, разожженный в открытой решетке, против зимнего холода, охватившего все это место. Палпатин предпочитал холодные температуры корусанской зимы, его воля абсолютна даже в этом.

Он мало ел и меньше говорил, все еще мысленно и телесно, и он ждал, чтобы исчезнуть, как и многие другие здесь, потерянные в тенях и темноте ... Станным образом это его спасло. Палпатин долго держался, игнорируя растущую изоляцию Люка, считая это уловкой, чтобы получить его... что-то. Чего Люк не знал. В то время все равно. Но в конце концов он внял неоднократным просьбам Халлина, и Люку разрешили короткие, тщательно охраняемые передышки из Дворца. Сначала мало; час, потраченный на осмотр близлежащего гарнизона, полудневный перелет к ближайшему высокопоставленному лицу в составе свиты Палпатина - и он не ожидал, что что-то еще придет, ожидая поворота ножа.

Но у них были полдня, растянувшиеся на дни, потом два или три, потом неделя. Всегда окруженный охраной, всегда пристально наблюдаемый, но все же это позволяло ему дышать. Дала ему надежду, иллюзию автономии, какой бы тщетной она ни была. Прошло много

времени, прежде чем он узнал, что, если он хочет чего-нибудь в этом месте, он должен это взять, уловкой или силой; любой из них подойдет, и ни один из них не будет разочарован его Учителем - если только он не окажется достаточно неуклюжим, чтобы его обнаружили; тогда наказание всегда было суровым. Задолго до того, как он понял, что если он хочет свободы от контролирующих ухищрений Палпатина, то он должен ее получить. Еще задолго до того, как он осознал, что даже этого недостаточно; быть свободным от досягаемости Палпатина было недостаточно. Он хотел большего.

Он хотел настоящей свободы; он хотел всего, чего хотел наивный, грубый, идеалистичный пилот, когда впервые забрался в этот крестокрыл. Он хотел свободы для всех и везде. Единственный способ добиться этого - убить Палпатина - и единственный способ добиться этого - занять его место. Правильно? Неправильно? Ошибочный? Слепой? Он не знал. Все, что он знал, было то, как сильно он хотел всего, чего когда-то жаждал Люк Скайуокер. Как сильно он хотел спасти какую-то часть своего прежнего «я» из этой проклятой жизни, какой бы маленькой она ни была. Все, что он знал, это то, что у него была цель, причина для существования, и это сохраняло его в здравом уме благодаря безжалостным параноидальным манипуляциям и жестоким, безжалостным упрекам Палпатина.

Он хотел свободы - истинной свободы - и благодаря гнетущему влиянию своего Учителя это был единственный способ, которым он знал, как получить ее больше. . Лея не остановила своего пристального взгляда на Люка, когда он сидел в минутной тишине, неизвестные мысли промелькнули в его глазах, когда он сузил их, погруженный в мысли о словах, которые она произнесла. Она смотрела, как он рефлексивно поворачивает тяжелое кольцо с синим камнем на своем мизинце, все еще не зная, что это был за действие, а какой мужчина - знал ли Скайуокер вообще себя. "Кто ты?" - снова спросила Лея, но на этот раз тон ее голоса был смягчен состраданием, глубокой неуверенностью и настоящей готовностью верить. Другой вопрос, оставил ее губы, образованной более глубоким узнаванием, «Кто был вы?» Она хотела спросить еще раз, но он прервал его, его голос был низким, напряженным с предупреждением, когда он избавился от личных мыслей: «Это несущественно. Я знаю, кто я сейчас... Я сказал вам, что у меня нет иллюзий.

Это вы пытаетесь обмануть Вы ищете тень кого-то давно умершего, и каждый раз, когда вы видите малейшую ее тень, вы пытаетесь исказить ее и заставить ее вписать в свое видение того, что вы хотите увидеть. Вы думаете, что вы можете заставить этого человека вернуться к жизни, но ты ошибаешься. Я могу точно сказать тебе, что ты неправ ». Он хотел, чтобы она поняла - осознала, что мужчина, которого она теперь так изо всех сил пыталась достичь, разбит и сломан без возможности восстановления. Если бы его можно было воскресить, разве она не думала, что это сделал бы сам Люк так давно? Разве она не понимала опасности, которой подверглась, просто находясь здесь, - что каждую минуту он может измениться; ему нельзя было доверять. Осознание этого внезапно вдохновило его на настоятельную необходимость заставить ее защитить себя ради нее самой.

Потому что каждый раз, когда она приходила сюда, каждый раз, когда он был полностью в его власти, он шел на острие соблазна просто удалить ее - уничтожить ее. Чтобы выполнить план, о котором он говорил другим, здесь действует и убедить Лею привести сюда руководство Восстания, чтобы просто уничтожить их. Все полностью. Потому что это будет так просто, и он знал это. Строил планы на это снова и снова. Альянс повстанцев продолжал существовать самым тонким образом, и даже Люк знал, что его собственная благосклонность была капризной и ненадежной. «Вы ищете понимания - тогда поймите это; я всегда буду делать все, что считаю необходимым для достижения своей цели. Я всегда буду платить эту цену». Лея нахмурилась, услышав подразумеваемое предупреждение. "Тогда зачем ты мне это говоришь?" Проблеск эмоций, наконец, зажег его глаза искрой разочарования, его поведение снова

изменилось на глазах у Леи, от спокойного и контролируемого до изменчивого и опасного.

"Я хочу, чтобы вы поняли, кто я. На что я способен. Как вы думаете, насколько вероятно, что вы, с кем я так мало разговаривал за последние шесть лет, могли так ясно видеть во мне и судить о моих характер более точен, чем у самых близких мне людей, потому что поверьте мне, когда я говорю, что они были поражены тем, что вы пришли сюда - что вы были готовы дать мне преимущество сомнения во второй раз ». «И все же я здесь, все еще цел». Люк покачал головой: «Я мог бы очень легко уничтожить тебя. Полностью исключить тебя из уравнения и продолжить мои планы без возражений». "Просто так?"

Его губа слегка дернулась от твердой уверенности, исходящей от нее: «Мне потребовалось три месяца, чтобы заполучить Мотму». Лея знала, что это было рассчитано на шок; говорят, чтобы спровоцировать реакцию, и ее не так легко увести: «Уверю вас, чтобы поймать меня, потребуется гораздо больше времени». Снова эта улыбка, как гарраль, уставившийся на свой обед: «Не слишком долго, учитывая, что ты сейчас в четырех шагах от меня». Лея почувствовала прилив адреналина, когда ее сердце екнуло, но она стиснула челюсти, чтобы избежать угрозы ... и, к удивлению, Люк отступил, встал, чтобы повернуться и сделать несколько шагов назад, оставив некоторое пространство между ними, чтобы охладить его Лея почувствовала, что у нее есть собственный характер, чтобы успокоить ее. «Это было несправедливо, прошу прощения».

Он повернулся к ней, даже сейчас. Однако огонь не покинул его глаз; это чувство дикого края сдерживается; «Хотя это не делает его менее правдивым». Это не было угрозой; когда она посмотрела на него, его лицо, как и его голос, оставалось нейтральным - и в неожиданной вспышке озарения Лея вспомнила свои слова Хану несколько дней назад; она подозревала, что это произошло потому, что Люк даже не знал, что ему делать дальше. "Почему вы говорите такие вещи?" - наконец спросила Лея, в ее словах не было вызова. «Я же сказал тебе», - он холодно отвернулся, хотя что-то было в его глазах, что-то, что больше не могло удерживать ее взгляд. «Я не отношусь к жизни легкомысленно». «Но ты все равно их берешь». Он выпрямился, мгновенно снова перейдя в наступление.

«Если мне придется. И не отрицайте того же; вы - лидер - вы отправили солдат в бой, зная, что они не вернутся». «Я сам в них не стрелял». «Вы убивали солдат на поле боя». «Я убил своих врагов». - подчеркнула Лея. "И я тоже." Лея поджала губы, снова поймала, осознала еще раз, насколько мужчина, которого она думала, что она знала, изменился, что он сделал это так легко, искажая слова и намерение с такой же легкостью. Или он вообще изменился? Это всегда была скорость его ума, и он просто скрывал ее раньше за легкими улыбками и нежными пожатиями плечами - потому что, когда она вспомнила, Люк Скайуокер всегда был проницателен в реальном поле конфликта; всегда был достаточно умен, чтобы думать не покладая рук, оставаться спокойным и достаточно логичным под давлением, чтобы вывести себя и окружающих из любых неприятностей. Те, кто его окружает ...

Разве он не всегда так сильно боролся за тех, кто его окружал, всегда так старался вывести такое же количество людей из любого конфликта, с которым он вступил в него? Разве он всегда не казался таким опустошенным, если не делал этого? Разве он не всегда был человеком, которому легко не жить? Лея сделала паузу, глядя на человека, который стоял в пяти шагах от стола, оставаясь в тени комнаты, как будто он принадлежал ей. «Пожалуйста... сядь». Люк сдержался еще несколько секунд, затем вздохнул и быстро зашагал вперед, уселся, и они оба посмотрели вниз, ни один из них не хотел начинать еще один раунд споров. Лея тоже вздохнула, криво качая головой:

«Иногда тебе так сложно». "Сделать что?" он спросил. "Спорить или говорить?" «Либо», -

сказала она. "И то и другое." Он отвел взгляд с полуулыбкой, атмосфера упала на несколько градусов ближе к комфорту для них обоих. Устроившись в кресле, Люк вытянул ноги в стороны, подперев подбородок рукой, действие было знакомым, непритязательным и очень... Люком. «Я родился примерно в то же время, что и Империя», - сказал он наконец. «Мы выросли вместе. Это всегда было здесь, вся моя жизнь.

Я родился в тоталитарном государстве и прожил всю свою жизнь в том же самом, ни разу не зная этого идеала, который был взят из прошлого, присыпан пылью и поддержан как какой-то парадигма совершенства. В этом я признаю свою слабость; я пытаюсь восстановить то, чего я сам никогда не видел и не был частью; демократию. Думаю, в этом мы одинаковы ... потому что, несмотря на все ваши утверждения, вы хотите его восстановить, вы просите то, чего не знаете или не имеете опыта ». "Имея в виду?" Он не двинулся с места, когда Лея сузила глаза, только теперь она задавалась вопросом, было ли это расслабленное, непритязательное положение более пустым изобретением, чем незатронутой привычкой. "Думаю, я спрашиваю, является ли демократия, за восстановление которой вы боретесь, истинной демократией или какой-то идеалистической идеей.

Я, по крайней мере, реалистично отношусь к тому, чего я могу достичь и как. Или вы думаете, что свержение нынешнего режима принесет насчет мгновенной демократии? Потому что я не верю вам настолько наивным ". «Вы утверждаете, что Империя Палпатина когда-нибудь может породить настоящую демократию? Я не верю вам настолько наивным». «Это не Империя Палпатина,» Люк исправлен, «Это мое , я могу предложить подлинную, реалистичную альтернативу бесконечной борьбе Мое намерение..

Это сделать эту империю демократии - но для этого я понимаю , что придется идти на компромиссы ". Лея молчала, зная, что он спрашивает ее о том же. Когда она не ответила, он слегка приподнялся. "Я не думаю, что есть такая вещь, как простое мгновенное решение; я думаю, что на это могут потребоваться годы - чтобы добиться бескровного переворота без того, чтобы военные не обратились сами по себе и Империя не превратилась в гражданскую войну. Но верьте, это - если вы сегодня не принимаете ничего другого, верьте этому; я привержен этому. Я сделаю это. Если возможно, я сделаю это с вашей помощью; я снова поглоти Альянс, предоставлю ему политический голос и права ».

Он наклонил голову: «Если нет... я сделаю это без тебя». «Невозможно установить демократию с помощью угроз и ультиматумов». "Как насчет дебатов и компромисса?" Люк спросил: «Первое - это то, на чем стоит ваша хваленая демократия, не так ли? А второе - то, что необходимо, чтобы заставить ее работать». "Я не могу .." «Работайте со мной, и я смогу осуществить восстановление Сената при первой практической и разумной возможности». «Это означает, что мы перестанем противостоять вам». «Это означает, что вы должны внести свой вклад в установление мира, который позволит нам двигаться вперед, да». Люк покачал головой, разглядывая ее лицо разными глазами. «Кажется, ты так жаждешь отдать свою жизнь ради свободы... неужели так трудно отказаться от этого; от этого недоверия, подозрения, этого цинизма? Вы всегда были готовы взяться за оружие во имя мира... готовы ли вы заложить их за то же самое? "

Лея взглянула вниз, более разорванная, чем когда-либо, более обнадеживающая, более испуганная. Он стал непревзойденным государственным деятелем, извлекая из воздуха волнующие речи о себе и безошибочно произнося их, но насколько это правда? Как много было пустых убеждений со стороны человека, которого обучал Палпатин, - Палпатина, который развязал войну и подорвал Сенат в разгаре, ни разу не вызывая подозрений... пока не стало слишком поздно. Лея поднесла руки к лицу и нерешительно вздохнула. "Скажи мне, как я могу тебе доверять?" Он наклонился вперед: «Вы хотите продемонстрировать, насколько я серьезен?

Вам нужен настоящий жест доброй воли?»

Опираясь на локоть, он повернул руку ладонью вверх, вытянув два первых пальца - между ними был чип данных. "Здесь есть набор координат. Следуйте за ними. Идите в одиночку. Наряду с координатами есть код доступа безопасности и частота передачи, которые вы должны передать, как только вы упадете со скорости света, чтобы остановить беспилотные автоматические средства защиты от стрельбы на тебе." Лея взглянула на чип, в его голосе была серьезность, пока Люк продолжал заставлять волосы на ее шее встать дыбом. «На орбите будет один Разрушитель, но если вы передали код, он не бросит вам вызов. Поймите, это нужно держать в секрете...» Он заколебался; «Если ты решишь обнародовать мои действия, это вполне может лишить меня власти; выбор за тобой, Лея... Мне просто придется тебе доверять».

..

Он встал, когда она встала, чтобы уйти, с чипом данных в руке, когда она остановилась только один раз, чтобы встретиться с ним взглядом ... и снова у Люка появилось то мгновенное чувство узнавания, когда он посмотрел в серьезные, сильные, карие глаза цвета красного дерева ... исчезла, как и она, и он стоял один в обшарпанной, суровой комнате, которая вполне могла породить начало демократии... или конец двух десятилетий восстания. Она не знала, доверять ему или нет, это было ясно, и он не мог ее винить. Но, возможно, теперь она поняла, признала его решимость, если не его побуждение. Потому что Сила поможет ей, если она встанет у него на пути; если она его пересечет.

Он не знал, что будет ... Люк покачал головой, прерывая эту мысль; нет, он заставит это работать. Он поклялся своему злобному старому Учителю, который так радовался разорванию Люка на куски, что он сделает то же самое с Империей, которую так любил Палпатин. Его единственный настоящий ребенок. Он не даст Палпатину своей победы, не отдаст ему свою драгоценную династию ситхов. Он поклялся, что уничтожит все, что сделал Палпатин, все, что он построил. Возьмите Империю, чья случайная жестокость разрушила его и множество других жизней по частям, пока ничего не осталось. Пока даже воспоминания об этом не исчезли, кратковременная аберрация исчезла. И когда он это сделал, он взял пепел своего Учителя и развеял его по ветру, как он и поклялся. Он будет делать это.

Он заплатит любую цену - и уже тогда он знал, какой была цена. Теперь он был ситхом и больше не мог вернуться. Она должна это понять. А для себя? Кто освободит галактику Люка Скайуокера? Он вздохнул, снова глядя на пустую дверь, через которую только что вышла женщина, к которой он когда-то был так близок, бросив на него последний взгляд, полный настороженного недоверия. Дело в том, что люди по обе стороны перегородки выстраивались в очередь, чтобы удостоиться чести убить его. У него не было иллюзий ... но у него была цель. И он доведет это до конца. Тогда, возможно, Сила покончит с ним. Может быть, это позволит ему поспать - одну ночь или вечность; это больше не имело значения.

Дверь в маленькую спартанскую комнату скользнула в сторону, и Люк поднял глаза и увидел, что Мара вошла. Коридор позади нее, ведущий к основным уровням станции Хоск, был пуст. Она медленно обошла, чтобы встать поближе, повернувшись, чтобы посмотреть в пустой коридор, когда она приблизилась к нему, ее сухой тон вытаскивал Люка из его задумчивости. «Судя по выражению лица Органы, прозрения не было. Кажется, ты не приближаешься». «Мне пока не нужно», - ответил Люк, выпрямляясь, возвращая тревожные, тревожные мысли к более устойчивому, авторитетному мышлению, зная о пристальном внимании Мары и о том факте, что она почувствует его психическое с «А что потом - быть заменен другим По Мадина, может быть, тогда я? Бы должен привести их вниз.»

Голос Мары прозвучал пронизательно: «В отличие от...?» «Прекрати пытаться загнать меня в

угол, Мара». Люк не повернулся, его голос стал жестче. "Почему?" в вызове было больше силы, чем она предполагала, и это привело его в ярость. Судя по тому, как он напряженно к ней обернулся, Мара ожидала взрыва, выговора, спора... чего-то. Поэтому, когда он просто смотрел на нее, сомкнув челюсти, глаза полны сдерживаемых эмоций, Мара уставилась ... Это было медленное осознание, набирающее силу по мере того, как все больше и больше фактов становилось на свои места, осознание прожигало ее мысли, как лесной пожар, расширяя глаза. «Ты не знаешь себя, не так ли? Ты не знаешь, что собираешься делать - собираешься ли ты использовать ее или нет...»

Все расплывчатые заявления, которые Люк делал так много раз, всегда меняясь, всегда развивается по мере изменения ситуации - но никогда не желает объяснять, никогда не дает достаточно, чтобы быть привязанным, даже среди тех, кому он доверял. «Вы даже не знаете, собираетесь ли вы сделать это... весь этот план, всю эту стратегию... вы еще не решили». Люк повернулся и машинально пошел по коридору, глядя вперед. «Моя цель остается прежней, какой бы путь я ни выбрал», - спокойно ответил он. Мара покачала головой, больше из-за собственной слепоты, чем из-за того, что она утверждала, что так хорошо о нем узнала; если это казалось совершенно логичным, очевидным выбором, то Люк, по крайней мере, вводил в заблуждение и, вероятно, откровенно лгал.

Вот что он сделал ; то, что он всегда делал, даже с Палпатином - как он научился выживать. Он заставил логический выбор казаться единственным выбором, скрывал свои истинные намерения за фактами и каким-то образом заставил вас видеть в них одно и то же. Она говорила это себе сотню раз, применяла это без промедления даже к его самым незначительным действиям... но ни разу не догадалась применить это к более широкой картине. "Почему у меня такое чувство, что я даже не знаю, какова эта цель ... план, который вы говорите вслух, не тот, который вы намеревались, это.... это?" Она взяла его за руку, и он повернулся к ней, и этот безупречный фасад треснул от вспышки гнева.

«Я не знаю , хорошо ?! Я не могу сказать тебе того, чего не знаю сам. Потому что это меняется изо дня в день, Мара, иногда от минуты к минуте, а я не могу ...» - он замолчал. отворачиваясь, разочарование и недоумение очевидны. Потому что дело было не только в этом; «Это была не просто Лея Органа, - поняла Мара. Это действительно было все; это была Империя, будущее... все . Это был Свет и Тьма, это была его душа и его рассудок ... и от момента к моменту все менялось, трещины углублялись. Он просто не мог быть тем, кем его заставил быть Палпатин - не полностью - но он больше не мог отступить от этого. «Все пытаются переубедить меня; ты, Натан, Хан, Лея Органа... все пытаются переубедить меня, а я даже сам не знаю... Я не знаю , безопасна ли Лея рядом со мной! Я»

Я балансирую каждый день на острие лезвия, и я не знаю, что мне нужно, чтобы споткнуться - все, что я знаю, это то, что я ... рано или поздно, я всегда так делаю. Я не могу ... " Слова застряли у него в горле, и Мара подошла ближе, голос теперь стал тише, когда она подняла одну руку, чтобы обхватить его шею, тронутая мукой Люка, нервным отчаянием в этой редкой вспышке, еще больше эмоций переполняло тех, кто крепко, замкнут. в эту последнюю минуту, чем она видела за последние месяцы. "Отлично." Она крепче обняла его, почувствовала, как он обхватил ее спину, когда он прижал ее к себе, и она покачала головой ему в грудь: «Люк, ты не можешь так продолжать».

Он напрягся под ее искренним беспокойством, эти прекрасные щиты снова поднялись в ртутном отвержении, вспышка измельченных мучений смягчилась до этого знакомого хрупкого края, все остальное заперто. "Вы правы." Он невозмутимо заявил: «Я просто остановлюсь, ладно?» «По крайней мере, прекрати это . Не видишь ее снова, найди другой способ». Он выпрямился, выскользнул из нее и снова начал идти, сгибая челюсти. "Я должен."

"Почему?" «Потому что факт остается фактом: у меня есть эти цели. Только то, как я их достигаю... гибко. Либо я уничтожаю ее, либо включаю ее в них.

В любом случае моя цель остается той же». «Тогда удалите ее из уравнения». «Нет, я справлюсь с этим». Мара покачала головой; он по-прежнему был самым упрямым мужчиной, которого она когда-либо встречала. "Что, если она тебя использует?" «Она не будет использовать меня. Я не позволю ей», - холодно сказал Люк, снова полностью контролируя ситуацию, хотя Мара знала, насколько хрупким было это равновесие на самом деле. «Она сейчас кому-то говорит то же самое!» Мара сказала, бросаясь в ногу с его походкой, разочарование в том, что он не мог видеть это, - что он не будет. «Она говорит: «Он не будет использовать меня, потому что я не позволю ему». Разве вы не видите этого? Разве вы не видите, насколько вы похожи?» Люк почти улыбнулся при этом: «Я как лидер восстания против меня?»

«Да! Вы оба командиры благодаря своим достижениям, вы оба ведете впереди, действиями, а не словами. Вы оба думаете, что вам все еще нужно попасть туда и испачкать руки, или вы чувствуете, что не долгие связаны с тем, за что вы боретесь. Вы оба смотрите на более серьезную причину, на более широкую картину. Вы оба упрямы и своенравны, и как только вы выберете курс, вы не отступите и не откажетесь от него любой ценой самому себе." Люк остановился у входа в более публичные секции, его тайные охранники слонялись за ними. «Вы можете сказать то же самое о более чем половине людей, которых вы знаете». «Нет, я не могла, - сказала Мара, - ты просто этого не видишь; не представляешь, насколько это исключительным делает тебя».

"И ее?" Мара угрюмо отвернулась. «Это просто делает ее опасной». «Вот для чего я тебя имею». - успокоил Люк поддразнивающим тоном, хотя Мара не позволила этому упасть. «Да, ну, я не очень хорош, если ты не скажешь мне, что на самом деле происходит, не так ли?» «Ты знаешь все, что происходит в моей жизни, Рыжая». Ох, как быстро он мог все перевернуть, даже сейчас. От взрывного до обезумевшего и обаятельного за двадцать шагов, искажая свои эмоции так же легко, как он искажал факты, чтобы соответствовать моменту. «Нет, я просто знаю больше, чем другие люди - это мало что говорит».

«Вы знаете, я не очень хорошо отношусь к доверию». Люк легко отпустил. И на секунду - всего на секунду - его рука поднялась, тыльная сторона пальцев коснулась ее щеки, и было бы так легко поддаться этой предложенной близости ... Но эти небесно-голубые глаза были слишком яркими и слишком соблазнительными, и она знала его лучше, чем было так легко вести. «И все же вы пришли сюда с менее чем двумя дюжинами солдат». Его рука упала - но его улыбка осталась, теперь искренней, без какой-либо уловки. «Это не значит, что я ей доверяю, просто я принял необходимость в данном случае, как и она».

Мара кивнула: «Так же, как и она. Как ты и знал, что она сделает это, потому что она такая же, как ты. Потому что она будет делать то, что считает правильным... и ты тоже. Потому что она будет страдать, и она будет бороться, и она пойдет на возмутительный и необоснованный риск ради того, во что она верит». «Возможно, мы оба верим в одно и то же». - спокойно сказал Люк. Мара настороженно нахмурилась, потому что это не имело никакого смысла... что наполнило ее трепетом. «Возможно, да. Но если так, то это самая опасная вещь из всех... потому что вы будете ей доверять. В конце концов, это заставит вас доверять ей, потому что вы думаете, что у вас те же взгляды, те же цели.

И это действительно самая опасная вещь из всех, Люк, потому что я чертовски уверен, что вы идете двумя совершенно разными путями, чтобы достичь их". . . Лея молча сидела, свернувшись калачиком на сиденье штурмана в кабине «Сокола», размышляя. Чуи вернулся в

инженерный отсек, чтобы проверить субсветовые двигатели теперь, когда они перешли на световую скорость, причем первый издает тревожные звуки при взлете. Лея даже бровью не моргнула, когда Хан в очередной раз проворчал, что Люк держал «Сокол» четыре года, и он даже не починил погремушку при малом освещении. Не моргнул, когда, как если бы это была законная жалоба, Чуи утверждал, что у детеныша, вероятно, были более неотложные дела в то время. Не отреагировал, когда Хан ответил тем же, ворча: «Как бы то ни было».

Я просто говорю, что это небольшая работа, и я полагаю, что у него была целая группа инженеров Звездного разрушителя, которые просто ждали, чтобы ему сказали, что делать. делать." Для них все было так просто. Все так ясно. Она оставалась в кабине, погруженная в раздумья, пока Чуи направлялся на корму, снова и снова мысленно ведя споры о станции Хоск. Было так много всего, что нужно было рассмотреть, так много взвесить, личные чувства против большего блага... то, что казалось правильным в ее нутре, противостояло большим обязанностям и обязанностям. « Это не то, как вы нас называете, и это не то, на чем мы стоим. То, что мы делаем, определяет нас ». Слова ее отца, давным-давно.

Ему тоже было так тяжело? Он всегда казался Лее таким уверенным, будто каждое решение имело только один возможный правильный ответ, каждая цель - только один путь. Что бы он сказал сейчас - что бы он сделал, столкнувшись с этим? Скажет ли он ей, чтобы она отвечала своей совести, как всегда, или увещевал бы ее помнить обо всех тех, чьи жизни зависели от ее решений; что долг был важнее личных чувств? Одна вещь медленно проникала в тревожное осознание Леи, и она не знала, было ли это правдой или просто очередной манипуляцией, тщательно рассчитанной, чтобы ввести в заблуждение.

Потому что большую часть этого разговора она спорила с Люком Скайуокером. Не Император - не сын Вейдера или протеже Палпатина, не шпион, который проник в Восстание, чтобы передать секреты своему Учителю, - а Люк Скайуокер. « Все, что я делаю, - это причина ... почему вы думаете, что причина изменилась?» « Серьезно? Потому что когда-то вы хотели свергнуть Империю, которой правите сейчас». « Потому что я хотел изменить систему, которую считал несправедливой. Я обнаружил, что теперь в состоянии сделать это».

Мужчина в той комнате сегодня говорил так, как будто Люк Скайуокер был настоящим. Люк Скайуокер, который жил на Татуине, спас принцессу и присоединился к восстанию, чтобы сражаться за то, во что он верил. Люк Скайуокер, который был силой отнят у всего, что он знал, и полностью заблудился. В то время, в данный момент, Лея даже не думала об этом, даже не осознавала, что, когда она сегодня ссорилась и спрашивала, это было с ним . Ни Император, ни адвокат Палпатина; она спорила с Люком Скайуокером, что он заблудился ... и его ответы остались полностью в своем характере, его аргументы исходили исключительно из этой точки зрения, этой реальности, как если бы все это было правдой ... И Лея обнаружила, что снова тайно задается вопросом... а что, если это так? .

"Тихий?" Хан не повернулся. "Хм?" «Я сказал, что ты молчишь», - повторил Хан. «Не то чтобы я жалею, это такая редкость, что я подумал, что это заслуживает упоминания». "Благодаря." - сухо сказала Лея. Хан отвернулся от стеклянных завихрений света, пробивавшихся сквозь пустоту скорости света. "Так как все прошло?" Лея покачала головой, сильнее подтягивая колени. "Это хорошо, да?" - легко спросил Хан, криво улыбнувшись ей. Лея закрыла голову руками с долгим вздохом: «Ооооо... Думаю, мне следует сказать Совету». Она еще не сделала этого. Она должна была это сделать, но не сделала этого.

Она должна была сказать тогда в первый раз, а теперь она усугубляла ошибку ... потому что на самом деле она не собиралась им рассказывать - пока. Когда она отнесла это им, это было потому, что она поняла, потому что знала, что Люк на самом деле пытался сделать. Это будет,

когда она узнает, когда сможет сказать им всем, должны ли они помочь или помешать - а она, черт возьми, еще не знала этого. «Он дал мне кое-что». Она сказала наконец Хану. "Ключи от Империи?" - пошутил он. Лея вытащила из кармана маленькую микросхему: «Знаешь, это вполне может быть. Он дал мне микросхему данных... потом он сказал мне, что если кто-нибудь узнает, что он отдал ее мне, это может свергнуть его». Хан полностью повернул свой стул от консоли, чтобы посмотреть на Лею, которая подняла чип данных. "Это оно?" "Это оно." "Что на нем?" Она повернула его в руке: «Знаешь, я понятия не имею. Координаты, - сказал он».

Хан взял чип: «А ты не подумал упомянуть об этом раньше?» «Я... решал». - медленно сказала Лея. Хан, по-видимому, не испытывал подобной потребности, поскольку уже взял чип и вставил его в слот данных в консоли навигатора. "Подождите!" Лея сказала: "Это может быть сигнал реле или ..." Хан бросил на нее свой лучший сухой взгляд краем глаза, уже наклонившись вперед к маленькому зрителю. «С координатами все в порядке. Но выход. Что это за хрень?» Лея наклонилась, не в силах остановиться теперь, когда решение было принято за нее. Она провела последний час, обдумывая, стоит ли просматривать чип; играть в игры Люка или передать это в Совет; было ли это уловкой, или уговором, или ни тем, ни другим... и Хан просто взглянул на эту чертову штуку.

Иногда приходилось любить его. Она нахмурилась при появлении кода: «Подождите, он что-то сказал о коде безопасности и частоте передачи». «Это какой-то серьезный код». - сказал Хан, глядя, как прокручиваются числа. «Это высококлассный материал; он самовоспроизводится... посмотрите на это; он переписывается, пока мы смотрим». Лея наклонилась, холодная корка пробежала по ее спине и заставила ее дрожать. «Мне это не нравится». Хан только усмехнулся: «Мы получили, чтобы выяснить, что это за». Лея кивнула: «Как только мы вернемся». «Серьезно... вы серьезно говорите мне, что не хотите выяснить, что это такое, прямо сейчас?» «Я не знаю», - неохотно сказала Лея. «Да ладно, это день для нас. Самое большее два».

«Это может привести нас прямо в центр имперского флота, издающего код, которого все ждут». «Эй, если он хотел поймать нас, он сидел прямо напротив вас несколько часов назад. В любом случае, это не идентификационный код, это слишком сложно. Это нечто большее». Хан обернулся, и Лея знала, что он, должно быть, видел сомнение на ее лице, потому что он выдавил свою лучшую улыбку; тот, который он использовал, когда хотел бросить вызов всей разумной логике. "Да ладно, это мы ... что может пойти не так?" . . Они вышли со световой скорости, чтобы ненадолго изменить курс, отправив короткое сообщение Home-One, чтобы сообщить им, что «Сокол» будет на день или около того позади.

При этом они потеряли свой эскорт, по-прежнему недоступный в Lightspeed, и возвращались к флоту. Они не упомянули, почему их задержали, Лея не хотела, чтобы это стало общеизвестным, какая-то часть ее хотела поддержать веру, которую Люк вложил в нее, дав ей это, хотя она еще не могла заставить себя подумать, заслуживает ли он такого внимания. . .

Путь длился едва ли один день, и Хан, казалось, был полон решимости заполнить его, снова и снова задавая вопросы Лее, какие инструкции дал ей Люк, давая ей чип. «Я сказала тебе, это все, что он сказал», - вздохнула Лея, уставшая повторяться. «Он сказал транслировать основной код на этой частоте, как только мы прибудем, затем он сказал, что на орбите будет Разрушитель, но он не бросит нам вызов, если мы передадим код». Хан и Чуи часами возились с кодом, пытаясь разгадать его, но, хотя они дошли до разделения двух отдельных кодов в передаче, один сложный, а другой более стандартный код распознавания, они не смогли чтобы распутать сложный самописный шифр, который занимал большую часть полосы пропускания передачи. Она была избавлена от дальнейших вопросов, когда нави-компьютер дал первое

предупреждение, и все бросились в кабину с загруженной частотой и готовыми к передаче.

"Приближается к реверсии". Сказал Хан, положив руки на дополнительные фонари, пока Чуи переключал системы, поднимая щиты и отвлекая энергию для зарядки квадроциклов... на всякий случай. Лея облизнула пересохшие губы, когда сияние огней снова превратилось в полосы, а затем в точки далеких звезд ... и они упали в реальное пространство посреди системы газового гиганта, единственная пригодная для жизни луна которого сияла как изумруд в чернильной тьме. В течение секунды, в течение долгой, молчаливой секунды, она не видела этого ... затем Лея почувствовала, как ее колени подкосились, когда она упала на сиденье позади нее в тот же момент, когда Хан наполовину поднялся над своим голосом низкий от недоверия, глаза сосредоточены не на зеленой луне, а в космосе над ней ... "Что, черт возьми ... это то, что я думаю?" Планету звали Эндор.

Лея смотрела, просто смотрела на мерзость, которая нависала, как сама смерть, над крошечным, пыльным миром, огромного размера, его металлически-серые поверхности тусклыми, безжизненными тонами отражали вспышку зеленого леса от луны Эндора. На нее напали тысячи воспоминаний; Альдераано, в данный момент, в момент, когда все, что она когда-либо знала было разрушено во внезапном буйном цвете и энергии. О Таркине, самодовольном и высокомерном Хан повернулся к своим доскам: «Да, я так думаю. У него есть сила и внутренняя атмосфера ... хотя он вытягивает ужасное количество энергии из той луны. Структурная целостность, движение ... это ... это почти в два раза больше массы оригинала. .

"Лея огляделась, "Звездный разрушитель?" «Меньше тысячи кликов, сзади и сверху, вы видите это? Шпора». Лея кивнула: "Он включается?" «Нет, оставив нас в покое. Но мы должны знать, что мы здесь, на этом расстоянии». Они все еще медленно скользили вперед, массивная Звезда Смерти все увеличивалась в их поле зрения. Хан замолчал, оглянувшись на свои доски: «Подожди минутку... Я не получаю никаких признаков жизни».

"На Разрушителе?" «Нет, на этой... штуке. Старшего брата Звезды Смерти. Воздухопроницаемая атмосфера, но никаких признаков жизни - вообще никаких». Чуи задал вопрос, и Хан снова посмотрел на свои доски: «Нет, там есть щиты, но они оборонительные. Я могу просканировать все остальное, так что ...» Консоль издала громкий писк, и Хан слегка наклонился: «Угу». Лея вскочила: «Ой-ой... зачем ой-ой?» «Я думаю, мы просто что-то споткнулись... подождите» Они ждали долгие секунды, глаза Леи метались между почти готовой «Звездой Смерти» и далеким Разрушителем, пока Хан переключал показания, Чуи проверял свои собственные доски, прежде чем откинуться назад к оперативным доскам позади него. «Ага... да, мы определенно что-то споткнулись».

"Вот оно ?!" Лея услышала панику в собственном голосе: «Что мы споткнулись?» «Этого я не знаю. Я просто продолжаю...» Чуи издал еще один протяжный вой, и Хан повернулся на стуле и встал, чтобы посмотреть в читателя. "Что это такое?" - спросила Лея. «Этот проклятый код - вот что это такое». Хан сказал: «Этот самовоспроизводящийся код передается на Звезду Смерти, это...» Хан замолчал, глядя, и Лея подавила желание встряхнуть его. Чуи тоже наклонился, задавая вопрос. "Ой-ой". - повторил Хан - и, если возможно, на этот раз прозвучало хуже. «Соло, если ты скажешь это снова, клянусь, я тебя задушю». «Все изменилось, - сказал Хан. «Код - это обратный отсчет». "От чего?"

«Я думаю, нам следует больше беспокоиться о том, к чему ...» - сказал Хан, пробираясь через тесную кабину и опускаясь на свое сиденье, чтобы запустить двигатели на полную мощность, «Сокол» грохотал у них под ногами. "Что вы имеете в виду?" «По моему опыту, в конце обратного отсчета все обычно идет вверх». Лея потерянно посмотрела на Звезду Смерти. Консоль Хана загорелась предупреждением, и он напряженным голосом наклонился к нему,

читая сообщение вслух. « Там написано:

« Две минуты до безопасного расстояния » ». "На безопасном расстоянии от чего?" «Что ж, я вижу перед собой три вещи, дорогая. Я не думаю, что Звезда Смерти стреляет по собственному Звездному Разрушителю, и для Разрушителя было бы довольно бессмысленно стрелять по Звезде Смерти ... которая оставляет Звезду Смерти. и эта луна ". Сердце Леи ёкнуло; она почувствовала, как в ее груди пропустил удар, а затем бум.

"Это обитаемый?" Хан уже проверял свои прицелы: «Никаких технологий... хотя жизнь кишит жизнью». Рука Леи подошла ко рту, огненная смерть Альдераана прожигала ее воспоминания. "Можем ли мы остановить это?" «Я ищу», - сказал Хан. «Я ничего не вижу... он включается. Уровни зашкаливают». "Мы должны что-то сделать!" «Против этого?! У него подняты щиты, мы бы даже близко не подошли - а если бы сделали, что бы мы на самом деле сделали?» Несмотря на свои слова, Хан все еще летел к нему,

«Звезда Смерти» теперь заполняла четверть обзорных окон, ее масштабы становились все более устрашающими. «Ты не можешь позволить ему выстрелить... Хан, мы должны что-то сделать». "Найдите мне занятие!" Глаза Леи исследовали пятнистую поверхность, в то время как ее разум кружился в поисках чего-то, чего угодно ... "Все еще жду?" "Выхлопной порт!" «Не знаю, где это, у этой Звезды Смерти подняты щиты, и я предполагаю, что даже имперские дизайнеры не совершили бы эту ошибку дважды». «Иди к блюду». «Серьезно, вы хотите, чтобы я выстрелил в блюдо. В этом? Я могу пойти туда и попробовать ударить ногой». Тем не менее «Сокол» немного изменил курс, колоссальная сфера покачивалась перед глазами Леи. "Стремитесь к излучателям антенны".

«Лея, порты шире, чем у « Сокола ». Я могу полететь вниз по одному из них». "Мы должны что-то делать !" «Сокол» теперь кружил по дуге, звезды вращались, когда он вращался, массивная «Звезда Смерти» тянулась от края поля зрения кабины, когда Хан продвигался к открытому пространству. "Подожди, что ты делаешь?" Лея стояла в отчаянии. Хан покачал головой: «Лея, мы не можем, не в этот раз. Мы даже не можем добраться до этого вовремя, и теперь мы не сможем сделать безопасное расстояние, как оно есть».

«Сокол» улетел, все молчали, вес ее собственной беспомощности давил на Лею, ее дыхание было поверхностным, мысли в смятении. В последний момент Хан развернул грузовое судно, развернув все щиты вперед, все смотрели в немом, болезненном очаровании, не в силах отвести взгляд, когда консоль показывала последние секунды из десяти; . Взрыв был невероятным, огромным, он освещал черноту космоса своим расширяющимся сиянием, все вздрагивали, ударная волна уносила все еще горящие обломки в пылающем свете, куски размером с офисные блоки распадались, когда сжигали остатки кислорода. , раскручиваясь в ярости вспышки, «Сокол» грохотал и покачивался, когда внешний край ударной волны пронесся мимо нее, щиты на мгновение засветились.

Когда это было сделано, последние обломки рухнули на себя и светились в темноте, их энергия была израсходована, все трое могли только потрясенно смотреть на крошечную зеленую луну, которая все еще висела перед ними, совершенно невредимая. Звезды Смерти больше не было; уничтожен, превращен в обломки в мгновение ока. Облегчение было ошеломляющим, Лею охватило гудение, словно заряд, так что в течение долгих секунд все, что она могла сделать, это поднести руки ко рту и дышать. Это Хан громко смеялся, кричал и кричал, стоя: «Ага!» Он резко развернулся, схватил Лею и притянул к себе для ликующего поцелуя, его облегчение было заразительным. «Почему я не понял?! Что, черт возьми, со мной не так! Он показывал нам, Лея!

Он показывал тебе, что у него есть это, показывая тебе, что он мог бы это использовать. Показывая тебе, что он никогда не будет!» Чуи тоже улыбался, издавая ликующий вой, размахивая длинными руками и пробивая воздух, невероятное снятие напряжения в тесной кабине, хан кричал, чтобы его услышали. «Мы передавали данные о самоуничтожении - вот почему это было так чертовски сложно! Вот почему оно было связано с кодом распознавания, чтобы обеспечить нам безопасность. Это было для нас - это было сообщение для нас». Лея медленно села, от отсрочки у нее закружилась голова. Сообщение; доказательство его намерений, вот что он сказал. Жест доброй воли.

Это было реально? Горе, пусть будет реальным. Ее голова закружилась от дико рыскающей смены событий, сомнений и надежд, сплетавшихся вместе, ее опасений, страхов, тяжести ответственности, давящей на нее, давя на эту единственную светлую надежду; что сегодня она разговаривала с Люком Скайуокером . Конечно, это было глупо; это было наивно, легковерно и безнадежно доверчиво, и каждый раз, когда она думала об этом, у нее была сотня веских причин отклонить это А что, если это правда?

<http://tl.rulate.ru/book/50172/1288164>